

К. Ю. Нефедов

Селевк Никатор и Александр Македонский: эволюция пропаганды

Власть эллинистических правителей первого поколения, так называемых диахов, проистекала из завоеваний, совершенных македонянами под предводительством Александра. Поэтому многие из них стремились предстать перед подданными в качестве достойных преемников покойного завоевателя и активно использовали его имя и образ в собственной политике и пропаганде. До недавнего времени считалось, что в наибольшей степени в этом преуспели основатели двух крупнейших эллинистических монархий — Птолемей Сотер и Селевк Никатор. Однако в последнее десятилетие в научной литературе получила распространение точка зрения, согласно которой Селевк, в отличие от Птолемея, отнюдь не был ревностным почитателем Александра и не так уж часто использовал его имя для обоснования своей власти [1, р. 55–56; 2, р. 48–50; 3, р. 14–15, 49]. Основанием тому послужили новые интерпретации некоторых монетных типов Селевка, причем именно тех, которые раньше использовались для подтверждения противоположной точки зрения.

Как нам представляется, подобное противоречие в оценках стало возможным из-за того, что нумизматические и нарративные данные, которые привлекают обычно для изучения отношения Селевка к Александру, используются в соответствующих исследованиях отрывочно, в связи с интерпретацией одного-двух монетных типов или литературных свидетельств, вне контекста общей эволюции политики и пропаганды Селевка. За сорок три года, прошедшие после смерти Александра, Селевк сумел проделать путь от командира конницы при регенте Пердикке до самого могущественного правителя на территории бывшей державы Александра, претендующего едва ли не на трон покойного завоевателя. Каждая новая властная позиция требовала нового обоснования, и отношение Селевка к Александру в таких условиях не могло оставаться неизменным. Поэтому выявить истинное значение образа Александра для власти Селевка можно только, проследив, как использовал Селевк этот образ на протяжении всей своей политической карьеры. Эту задачу мы и попытаемся решить в настоящей работе, пролив тем самым свет на основы власти династии Селевкидов в целом, а следовательно и на основы эллинистической монархии как таковой.

При жизни Александра Селевк не принадлежал к числу его наиболее близких соратников. Хотя он выступил из Македонии вместе с царем, его имя появляется в кругу приближенных к Александру лиц только во время индийского похода в 326 г.¹ В целом, позиция Селевка при дворе была значительной, но все же не такой, как у диахов «первого эшелона» [см.: 4, р. 246–248; 5, р. 5–15; ср.: 6, с. 60–63]. Поэтому после смерти Александра он не получил в управление сатрапии, а был назначен на должность

¹ Здесь и далее все даты до н. э.

хиллиарха при верховном регенте Пердикке, которая хотя и была высокой, но реальной власти в условиях распадающейся империи не давала. Случай возвыситься представился Селевку только в 321 г., когда он поднял мятеж в сражавшемся против Птолемея войске Пердикки и лично убил своего командира (Diod., XVIII, 33, 2–5; *Per. Eum.*, 5, 1; *Arg. Succ.*, 1, 28, 35; *Paus.*, I, 6, 3; *Strab.*, XVII, 1, 8). В благодарность за устранение ненавистного регента Селевк получил от собрания диадохов в Трипарадейсое вавилонскую сатрапию и стал таким образом управлять последней столицей державы Александра.

Его властные амбиции в данном регионе вскоре столкнулись с мощным противодействием со стороны нового стратега Азии — Антигона Одноглазого. Взяв курс на подчинение всех азиатских сатрапий, Антigon в 316 г. добрался до Вавилонии. Надеясь сместить Селевка с его поста, Антigon потребовал от него отчет об управлении сатрапией. Но тот ответил, что не будет отчитываться, потому что поставлен на этот пост не Антигоном, а македонянами за заслуги перед Александром при жизни (Diod., XIX, 55, 3). Этим заявлением Селевк не только присваивал себе статус одного из ближайших соратников Александра, но и давал понять, что этот статус оправдывает любые его властные полномочия и позволяет управлять сатрапией автономно от центральной власти. Как правильно заметил Б. Босворт [7, р. 212–213], это был целенаправленный выпад против Антигона, который, несмотря на весь свой авторитет, не мог похвалиться тем, что был с Александром до конца: еще в начале восточного похода он остался в качестве сатрапа во Фригии и не принимал участие в дальнейшем продвижении на Восток [см.: 8, р. 41–46]. Теперь, когда Антigon стремился к власти над всей державой Александра, это можно было удачно напомнить ему, отстояв тем самым, хотя бы на словах, основы своей автономии.

В то время, однако, Селевк еще был не в состоянии эффективно противостоять Антигону, и после своего заявления вынужден был бежать из собственной сатрапии в Египет к Птолемею. Тем не менее, от своих притязаний он не отказался и при встрече с Птолемеем заявил, что Антigon проявляет крайнюю заносчивость и без всяких оснований уничтожает и изгоняет достойных людей, служивших Александру, в то время как сам наращивает силы для захвата власти над всей македонской «мировой державой» (Diod., XIX, 56, 1–2). Таким образом, Антigon обвинялся уже и в стремлении к узурпации трона. Здесь действовала простая логика: раз Антigon не признает за соратниками Александра права на власть, значит, он возомнил себя равным самому Александру. Если же вспомнить, что Антigon считал себя ближайшим соратником самого Филиппа и был женат на Стратонике, которая, судя по всему, имела родственные связи с династией Аргеадов [4, р. 32; 8, р. 17], то угроза захвата им имперского трона должна была казаться македонянам не такой уж нереальной.

Птолемей, который старался предстать перед греко-македонским миром в образе наиболее близкого соратника Александра, расценил обвинения, выдвинутые Селевком, как повод для начала широкомасштабной кампании против Антигона, и его сразу же поддержали в этом отношении Лисимах и Кассандр (Diod., XIX, 56, 3–4). Селевк, таким образом, выступил в роли вдохновителя мощной антиантигоновской коалиции, а сформулированные им тезисы легли в основу ее идеологического обрамления. Пропагандистская риторика, основанная на противопоставлении заносчивого Антигона, который пытается захватить имперский трон, и справедливых соратников Александра, отстаивающих свое скромное право на часть его наследия, обнаруживаются в источниках при описании всех важнейших моментов борьбы коалиции с Антигоном и его сыном Деметрием вплоть до 301 г. до н. э. (Diod., XIX, 85, 3, XX, 37, 4, XX, 106, 2–4, XXI, 1, 1; *Plut., Dem.*, 28, 2; *P. Köln*, VI, № 247). Примечательно, что о законном наследнике трона — Александре IV, речь при этом никогда не шла — диадохи защищали перед Антигоном только собственные права на власть. Имя Александра, таким образом, использовалось в пропаганде не для поддержания единства и законной власти в державе, как это часто полагают, а фактически для обоснования ее дезинтеграции.

Вновь мы сталкиваемся с использованием Селевком имени Александра в пропагандистских целях в 312 г. перед началом его знаменитого возвращения в Вавилон во главе тысячи солдат, предоставленных в его распоряжение Птолемеем. Выступая перед войнами, удрученными необходимостью сражаться со значительно превышающими их по численности гарнизонами Антигона в месопотамских городах, Селевк, по свидетельству Диодора, заявил, что победа будет достигнута ими потому, что он верит в предсказания богов, предрекающих полный успех данной кампании — оракул Аполлона в Дидимах якобы приветствовал его как царя, а во сне ему явился Александр, дав ясный знак его будущей гегемонии (Diod., XIX, 90, 3–5).

Ясно, что это пророчество составлено *post facto*, ибо в то время, когда Селевк не имел ничего кроме тысячи солдат, речь о его царской власти и тем более гегемонии в действительности идти не могла. Но это не означает, что сообщение Диодора вообще не отражает историческую реальность. Источники сохранили целый ряд пророчеств и знамений, связанных с политической карьерой Селевка (Diod., XIX, 55, 7–9; App., *Syr.*, 56; Just., XV, 4), и все они в той или иной степени находят отображение на монетах этого диадоха [см.: 9; 10; ср.: 11, p. 116–117]. Следовательно, почвой для этих легенд служила распространявшаяся непосредственно при жизни Селевка политическая пропаганда, и нет оснований полагать, что знамение, описанное Диодором, является в этом отношении исключением. Главное же для нас в этом знамении, вне зависимости от того, когда оно было создано, то, что Александр выступает здесь в новом качестве — он уже не просто источник власти Селевка, но и его сверхъестественный покровитель. На мысль использовать Александра в таком качестве Селевка, судя по всему, навел опыт Птолемея: в Александрии, где был погребен Александр, с 319 г. отправлялся его культ как основателя города и покровителя державы [12, p. 211–215; 13; 14; ср.: 15, p. 242–243]. Селевку, очевидно, представлялось вполне закономерным, что Александр мог перенести свое покровительство и на другого своего верного соратника, который к тому же был другом Птолемея и командовал группой его солдат. Эта новая пропаганда была вполне логичным развитием предшествующей: Александр сам решил прийти на помощь своим верным товарищам, видя, как попирает их права алчный Антигон. Для Селевка это было очень важно, так как ему, чтобы восстановить и расширить свою власть на Востоке, приходилось воевать преимущественно с сатрапами и гарнизонами, оставленными Антигоном.

Покровительство Александра оставалось актуальным для Селевка вплоть до решающей битвы с Антигонидами, которая произошла в 301 г. при Ипсе. Об этом свидетельствует еще одно знамение, описание которого приводит Плутарх: в ночь перед битвой Александр «в роскошном полном вооружении» явился во сне к сыну Антигона Деметрию Полиоркету и спросил его, какой пароль назначен для его войск. Когда тот ответил «Зевс и Ника», Александр сказал, что уходит к его противникам (т. е. Селевку и Лисимаху), «потому что они принимают меня к себе», и как оказалось на утро, их пароль был «Александр и Ника» (Plut., Dem., 29, 1–2).

Таким образом, предполагалось, что Александр непосредственно участвует в битве — он является в полном вооружении, подобно тому, как являлись древние герои, помогающие грекам в бою. При этом он принимает сторону тех, кто почитает его, то есть Селевка и Лисимаха, и покидает Антигонидов, пренебрегающих его памятью и заветами. Битва при Ипсе, в которой Антигониды потерпели сокрушительное поражение, а сам Антигон погиб, стала подтверждением этой пропаганды и вообще правильности сепаратистского политического курса Селевка и его союзников.

Покровительство Александра нашло отражение и в монетном деле Селевка. Первый тип монет, который следует упомянуть в этой связи, представлен золотыми дариками и двойными дариками (рис. 1: 1, 2), а также бронзовыми номиналами с изображением на аверсе Александра в шкуре слона. На реверсе дариков изображена Ника с короной, иногда венчающая военный трофей, а также селевкидский якорь

Рис. 1. Монеты раннеэллинистических правителей:

1, 2 – Селевк I, двойной дарик; 3, 7 – Птолемей I, тетрадрахма; 4, 8, 10 – Селевк I, тетрадрахма; 5 – Лисимах, драхма; 6 – Антиох I, драхма; 9 – Деметрий Полиоркет, тетрадрахма

и голова рогатого коня в качестве дополнительных символов [16, № 101, 183, 219]. Легенда, как это и было принято на дариках, отсутствует. Реверс бронзовых монет содержит аналогичные изображения в различных комбинациях, на некоторых номиналах присутствует легенда — ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ [16, № 188–190, 222; 17, р. 107–108, № 72]. Все это весьма редкие серии, выпускавшиеся только в восточной части державы: золотые номиналы — в Экбатанах и, возможно, в Сузах и Вавилоне, бронзовые — в Экбатанах и Сузах.

Часто полагают, что изображение Александра здесь всего лишь символизирует индийский поход Селевка, повторившего путь македонского завоевателя, и шкура слона как раз и призвана вызвать индийские ассоциации [18, р. 112; 19, р. 131; 20, р. 130; 21, р. 313–315; 17, р. 108; 1, р. 57; 3, р. 49]. Однако эта трактовка является в своей основе ошибочной. Портретное изображение аверса на монетах того времени не могло нести вторичную функцию — намекать на что-то иное, чего нет в нем самом. Портрет на лицевой стороне всегда изображал покровителя державы — божество или героя, и именно в таком качестве воспринимался пользователями монет [22, р. 134–137]. Принимая во внимание вышеизложенное, можно не сомневаться, что Александр изображен тут именно как сверхъестественный покровитель Селевка, как это отметил в свое время Р. Хэдди [9, р. 53]. Шкура слона является признаком его божественного или героического статуса и коррелирует в этом отношении со шкурой льва на голове Геракла на монетах традиционного александровского типа, которые выпускал в большом количестве и сам Селевк [23, р. 71–72]. Не вызывает сомнений также, что это изображение создано под влиянием монет Птолемея, на аверсе которых с 320–318 гг. также изображался Александр в шкуре слона (рис. 1: 3) [3, р. 10–14]. И как у Птолемея это изображение символизировало покровительство Александра, также это было и у Селевка, что вполне закономерно: Селевк заимствовал у своего союзника не только самую идею покровительства, но и соответствующий монетный тип.

Относительно даты выпуска этих монет в научной литературе давно ведутся ожесточенные споры. Крайняя редкость находок данных типов говорит о том, что они выпускались непродолжительное время, но установить точную дату их выпуска очень тяжело из-за отсутствия сходных по техническим деталям датированных выпусков селевкидских монет [21, р. 315]. Изначально полагали, что Селевк начал выпускать данный тип еще до принятия царского титула в 305–304 г. до н. э., вследствие чего легенда не содержит его имени [18, р. 111]. Но поскольку монеты с александровской легендой иногда выпускались им и уже после провозглашения царем, данные выпуски ученые стали датировать и более поздним временем. Р. Хэдди считал, что они были выпущены в связи с коронацией Селевка, проведение которой якобы реализовало вышеприведенное пророчество из текста Диодора от 312 г. [9, р. 53]. Другие исследователи связывали выпуск данных монет с окончанием индийской кампании в 304–302 гг. [21, р. 318; 17, р. 109]. В последние же годы, благодаря работе О. Хувера, этот тип датируют 300–298 гг., связывая его выпуск с победой в битве при Ипсе или, как это делает К. Дамен, с пятилетием окончания индийской кампании [1, р. 57–58; 2, р. 42; 3, р. 15].

Нам представляется, что данный монетный выпуск следует датировать временем до битвы при Ипсе. В пользу этого свидетельствуют следующие соображения:

1) Легенда ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ вряд ли бы использовалась Селевком на новом монетном типе через пять лет после принятия им царского титула — все монеты, которые имели подобную легенду в поздние годы, представляли собой продолжение прежних александровских типов [21, р. 317]. Она была уместна именно тогда, когда Селевк боролся с Антигоном, пытавшимся узурпировать трон Александра, ибо подчеркивала верность Селевка памяти македонского завоевателя.

2) После битвы при Ипсе отношения Селевка с Птолемеем резко ухудшились из-за захвата последним Келесирии [5, р. 120–122]. Крайне маловероятно чтобы Селевк стал заимствовать тогда птолемеевский монетный тип, тем более что он соответствовал

монетам, выпускавшимся в Египте в 320–317 гг., а не аналогичным александровским выпускам Птолемея рубежа IV—III вв. до н. э. [3, р. 15].

3) Выпуск данных монет только на восточных монетных дворах логичнее всего объясняется тем, что Селевк в то время просто не имел под своим контролем других монетных дворов, ибо еще не подчинил себе Сирию — это произошло только после битвы при Ипсе [ср.: 3, р. 100].

4) Изображения на монетах, как основные, так и дополнительные, в большинстве своем вполне укладываются в круг символов пропаганды, распространяемой Селевком в 311–301 гг. Победные символы, связанные с Никой, были актуальны не только после битвы при Ипсе, как это иногда полагают, но и ранее. Александр, как мы видели, выступал в качестве покровителя Селевка с 311 г., и под его «предводительством» Селевк одержал немало побед над Антигоном и до битвы при Ипсе. В качестве таковых мог быть расцenen захват им Вавилона в 311 г., отражение вторжения Деметрия в 310–309 гг. [7, р. 214–218] и, наконец, пресловутая индийская кампания. Что же касается якоря, то он выступал в знамениях, связанных с утверждением власти Селевка в Вавилоне в 311 г. и принятием Селевком царского титула в 304 г. (App., Sng. 56), но не был связан с битвой при Ипсе.

5) Самым весомым аргументом в пользу поздней датировки данных монет является изображение рогатого коня на реверсе. По свидетельству хроники Иоанна Малалы в Антиохии-на-Оронте, основанной после битвы при Ипсе, существовала скульптурная группа, состоящая из головы коня и позолоченного шлема, перед которой была стела с надписью: «С этим Селевк убежал от Антигона и был спасен, и потом вернулся, покори́л и уничтожил его» (Malal., 202, 17–19). В этом сообщении исследователи видят доказательство того, что голова коня могла появиться на монетах только после битвы при Ипсе [1, р. 58]. Однако побег от Антигона, упомянутый в надписи, несомненно имел место еще в 316 г., и конь поэтому мог фигурировать на монетах и до 301 г. Некоторые исследователи полагают, что в изображении коня на монетах следует видеть знаменитого александровского Буцефала, который по каким-то неизвестным нам причинам мог быть связан с деятельностью Селевка [21, р. 315; 23, р. 73; 24, р. 35]. Подтверждением тому, что конь на монетах и в антиохийской скульптурной группе — разные персонажи, служит упоминание Малалой рогов на голове статуи. В целом, вопрос об атрибуции головы коня нельзя решить однозначно на материале имеющихся источников, и поэтому судить на основании данного изображения о датировке монет нет оснований.

Решить, с каким конкретно событием до битвы при Ипсе был связан выпуск данных монет, не представляется возможным. Ясно только, что это произошло, когда представление о покровительстве Александра оправдало себя в победах Селевка над Антигоном, то есть, по крайней мере, после 309 г. Тесная связь этих монет с устной пропагандой Селевка становится очевидной, если вспомнить, что в истории о сие Деметрия, приводимой Плутархом, пароль Селевка звучит как «Александр и Ника», то есть непосредственно отображает изображения аверса и реверса данных монет. Пытаться вслед за Р. Хэдди [9, р. 55] определить, что в данном случае было изначальным — монеты или легенда, вряд ли целесообразно. Достаточно сказать, что в обоих случаях мы несомненно сталкиваемся с проявлением согласованной целенаправленной пропаганды Селевка.

Второй тип монет, связанный с покровительством Александра, представлен достаточно многочисленной серией, покрывающей серебряные номиналы всех весов, причем все они опять же выпускались в восточной части державы — на монетном дворе Суз. На лицевой стороне этих монет изображена мужская голова, одетая в шкуру пантеры и шлем с бычьими ушами и рогами, то есть с атрибутами бога Диониса. На реверсе помещено изображение Ники, венчающей трофей, и содержится легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ (рис. 1: 4) [16, № 173–176; 18, № 300–302, 413–427].

В научной литературе на протяжении многих лет ведется дискуссия об атрибуции головы в шлеме на аверсе. Долгое время исследователи полагали, что это сам Селевк

Никатор, осмелившийся поместить свой портрет на монетах после битвы при Ипсе [18, р. 228]. Однако позже Р. Хэдди провел иконографический анализ этих монет, который показал явные сходства изображения с портретами Александра, а не Селевка [25]. Его мнение поддержали практически все исследователи, и в научной литературе атрибуция этих монет однозначно стала связываться с Александром. Сам Хэдди связывал выпуск этого типа с победой при Ипсе, в которой реализовалось знамение, приведенное у Плутарха. Последующие исследователи стали предлагать более ранние датировки и связывать монеты с окончанием индийской кампании, вследствие чего, якобы, Александр и предстает на них в образе Диониса — покорителя Индии [21, р. 316–317; 23, р. 72; 17, р. 122; ср.: 26, с. 5].

В недавнее время О. Хувер заново проанализировал эти монеты и поддержал старое отождествление данного изображения с Селевком [1]. Эта атрибуция, иногда с незначительными оговорками, стала в последние годы очень распространенной [2, р. 44; 3, р. 74; 27].

Нам представляется, что на данных монетах изображен все же Александр. В пользу этого свидетельствует даже поверхностное сравнение этого изображения с портретами Александра на монетах Птолемея (рис. 1: 3), Лисимаха (рис. 1: 5) и самого Селевка (рис. 1: 1, 2), с одной стороны, и с портретами Селевка на монетах его сына Антиоха (рис. 1: 6), с другой. Тип лица Селевка совершенно иной — это видно в трактовке носа, подбородка и глаз. К тому же, явно молодой возраст лица на портрете отнюдь не соответствует возрасту Селевка — в момент битвы при Ипсе ему было около 60 лет. Хувер считает, что портретное сходство изображений с Александром ничего не означает — на монетах диадохов, якобы, вообще невозможно точно установить портретные черты, так как все изображения делались идеализированно и напоминали в общих чертах Александра [1, р. 56–59]. Это мнение, однако, легко опровергается, если взглянуть на портрет Птолемея, помещавшийся на его монетах с 304 г. до н. э. — индивидуальные черты в нем выражены настолько ярко, что ни о каком сходстве с Александром не может идти и речи (рис. 1: 7). Почему же тогда Селевк должен был так существенно исказить свой портрет, если другие диадохи не делали этого?

Другой важный аргумент Хувера и его последователей связан с изображением всадника на реверсе некоторых селевкидских монет. Всадник показан там в шлеме с рогами и на рогатом коне (рис. 1: 8). Поскольку же конь, если судить по сообщению Малалы, связан с Селевком, то это означает, что и всадник в рогатом шлеме — Селевк, и голова на монетах в таком шлеме принадлежит Селевку [1, р. 63; 2, р. 45; 16, р. 5–9]. Однако, как мы говорили выше, сообщение Малалы вряд ли однозначно связано именно с монетным типом Селевка. Что же касается рогов, то они не были неотъемлемым атрибутом только Селевка и его коня, а помещались, например, и на изображениях слонов на других монетных типах Селевкидов [16, № 223–225]. Они просто отображали определенную степень сакрализации или героизации, что вообще характерно для религиозных представлений македонян — даже Афина на некоторых изображениях в Македонии имела рога [28, р. 111–112], не говоря уже про божеств дионисийского круга, связанных с почитанием умерших [29, р. 188–189]. Поэтому рога могли добавляться равно как к изображениям Селевка, так и Александра, когда они предстали в героизированном виде. Всадник на рогатом коне на монетах скорее изображает Александра «в роскошном полном вооружении», каким он явился Деметрию в знамени, чем Селевка — ведь и помещался он на реверсе монет с аверсом чисто александровского типа.

В этой связи несостоятельным оказывается и еще один аргумент Хувера и его сторонников — о том, что ни в литературных, ни в иконографических источниках Александр никогда не изображался с рогами быка, а только с бараньими рогами Зевса-Аммона, в то время как Селевк в обоих типах источников представлен в таком виде [1, р. 60; 3, р. 74, п. 82]. Надо учитывать и тот факт, что Александр здесь изображен в образе Диониса, а не сына Зевса-Аммона, а бычьи рога — неотъемлемый элемент этого образа.

Главное же, что не дает возможности принять точку зрения Хувера — это сама возможность размещения портрета Селевка на монетах сразу же после битвы при Ипсе. Считается, что Селевк в этом отношении подражал Птолемею, который стал помещать свой портрет на монетах после принятия царского титула в 304 г. до н. э. [1, р. 61; 2, р. 54]. Однако этот аргумент выглядит несостоятельным. Практика помещения портрета правителя на аверсе монет в то время еще не утвердилась — там по-прежнему помещались только герои или божества. Александр занял место на птолемеевских монетах только после смерти, когда в Египте стал отправляться его культ [см.: 13]. Так же и Птолемей осмелился разместить свой портрет не просто, когда стал царем, но и когда начал получать божеские почести: в одно время с коронацией его культ был учрежден на о. Родос, причем этому предшествовала консультация с оракулом Аммона, призванная не осквернить таким актом покойного Александра (Diod., XX, 100, 2–4) [30, с. 108–117]. Селевк же в 301 г. до н. э. явно еще не получал божеские почести — его официальный культ возник только посмертно, а греческие полисы стали чествовать Селевка как бога только в 281 г. до н. э., когда он захватил почти всю державу Александра и приравнялся к своему покровителю [31, р. 359–361]. Поэтому разместить свой портрет на монетах около 300 г. до н. э. было бы для Селевка богохульством и неуважением к памяти Александра, которого он так ревностно почитал еще в момент битвы при Ипсе. Победа над Антигоном была не таким невероятным достижением Селевка, чтобы он мог приравняться после нее к Александру. Все-таки он одержал ее вместе с Лисимахом и Кассандром. Лисимах после битвы при Ипсе разместил на своих монетах портрет Александра и стал ревностно чтить его как своего покровителя [32, с. 50–52], так почему же Селевк должен был поступить совершенно иным образом?

Все это позволяет нам утверждать, что изображение на серебряных монетах из Суз было портретом Александра, а не Селевка. Яркий победный мотив реверса — с трофеем из греческого оружия и без всяких дополнительных символов — вряд ли может оставлять сомнения в том, что на этот раз выпуск был связан именно с победой при Ипсе. Александр на аверсе символизировал, что Селевк победил благодаря верности своему бывшему командиру при его жизни и его покровительству после смерти — великий завоеватель наказал заносчивых Антигонидов и возвеличил своих соратников, которые теперь с полным правом могут управлять завоеванными им землями.

Как говорилось выше, исследователи полагают, что дионисийские символы Александра в этом изображении отражали его статус как завоевателя Индии, чем ранее якобы прославился Дионис, и намекали, таким образом, на индийский поход самого Селевка. Но такая точка зрения представляется непоследовательной — почему эти символы появляются не после индийского похода, а после битвы при Ипсе? Этот вопрос побуждал некоторых исследователей изменять датировку данных монет, но, по нашему мнению, объяснение тут кроется в ином. Как показал в свое время А. Нок, представление о завоевании Индии Дионисом не существовало в античном мире до Александра, и сам Александр в ходе похода на Восток никогда не сопоставлялся с Дионисом. Только позже, в трудах некоторых историков Александра, на Диониса были перенесены заслуги македонского завоевателя, то есть произошло своего рода обратное сопоставление божества с правителем [33, р. 21–33]. Крайне сомнительно, чтобы такой длительный процесс мифотворчества окончательно завершился уже к 301 г. Поэтому отражение данной легенды на монетах вряд ли было бы воспринято должным образом в эллинистическом мире — многие просто бы не поняли, о чем идет речь. Если же принять во внимание, что в данных изображениях нет ничего специфически индийского, в отличие от некоторых других монет Селевка, более вероятно, что дионисийские элементы Александра в данном случае символизировали не факт завоевания Индии, а просто божественность македонского завоевателя. Как мы показали в одной из предыдущих работ, широкое распространение культа какого-либо правителя в раннеэллинистическую эпоху обычно влекло за собой его сопоставление

с мифологическими персонажами, которых считали людьми, получившими божественный статус за заслуги — Гераклом, а затем Дионисом [34]. Такой путь проделали в культе и массовых представлениях Деметрий Полиоркет (рис. 1: 9) и сам Александр. Дионисизация была просто более высокой стадией обожествления, а не отражением каких-то особых заслуг в завоевании Востока. Именно благодаря дионисизации широкого почитаемого в посмертном культе Александра и произошло последующее перенесение его подвигів, в том числе завоевания Индии, на Диониса. В пропаганде же Селевка Александр уже прошел сопоставление с Гераклом в качестве сына Зевса-Аммона на рассмотренной выше серии монет. Чтобы почтить его еще выше, Селевк естественным образом должен был сопоставить его с Дионисом, что очевидно и вызвало появление дионисийских черт в его портрете на монетах.

Один вопрос, в связи с данными монетами, остается нерешенным — почему они выпускались только с Сузах, в то время как Селевку стали доступны монетные дворы в Сирии? Как нам представляется, здесь опять сыграло свою роль географическое расположение монетных дворов. Если данные монеты начали выпускаться с 300 г. до н. э., то у Селевка просто не было возможности наладить их производство на монетных дворах Антиохии и Селевкии Пиерийской, так как эти города только что были основаны, а создание монетных дворов в них требовало длительного времени.

Но почему же впоследствии Селевк не перенес выпуск своих триумфальных монет на Запад? По нашему мнению, ответ здесь кроется в коренных изменениях в политике и пропаганде Селевка, которые начали проявляться приблизительно с 298 г. После победы над Антигоном и захвата большей части державы Александра, вопрос об утверждении собственного права на власть перед Селевком уже не стоял. Теперь на повестке дня были новые задачи — расширение собственного влияния на Западе и утверждение, по возможности, наиболее сильной позиции среди диадохів. В таких условиях демонстрация пиетета перед покойным Александром и борьба с поверженными Антигонидами потеряли всякий смысл. В дополнение к этому в 298 г. Селевк совершил поступок, который фактически перечеркнул все основы его предшествующей политики и пропаганды — установил отношения с опальным Деметрием Полиоркетом и вступил в брак с его дочерью Стратоникой (Plut., Dem. 31–32). Не будем здесь подробно разбирать сложный вопрос о том, какие именно цели он при этом преследовал [см.: 5, р. 132–133; 7, р. 261–263]. Достаточно сказать, что этими действиями Селевк окончательно порвал со старыми основами своей легитимности, связанной преимущественно с Александром, которые продолжали поддерживать Птолемей и Лисимах, и присоединился к ранее враждебному ему лагерю Антигонидів, никогда не почитавших Александра. Как упоминалось выше, супруга Антигона Стратоника и, следовательно, их общий сын Деметрий имели, судя по всему, родственную связь с династией Аргеадів, что и было одной из причин, позволявших Антигонидам претендовать на власть во всей македонской державе. Матримониальные притязания на трон в эпоху диадохів считались весьма обоснованными, что хорошо видно по политике Кассандра, женатого на сестре Александра Фессалонике. Теперь же и Селевк получил возможность поддерживать свою легитимность с помощью супруги, что открывало ему далеко идущие возможности в утверждении своей власти в бывшей империи Александра. Конечно, он не использовал эту возможность сразу и, более того, передал через несколько лет Стратонику в жены своему сыну Антиоху, надеясь, очевидно, обеспечить истинно царскую кровь своим потомкам (App., Syr., 58; Plut., Dem., 34). Но само приобщение к такой форме легитимности показывало, что Селевк не хочет удовлетворяться лишь тем, что положено ему как одному из соратников Александра, а претендует на гораздо большее.

Такие перемены в политике, очевидно, и стали причиной того, что монеты с изображением Александра-Диониса не стали чеканить на открытых в Сирии монетных дворах. На новых же монетных типах Селевкидів не было даже намеков на Александра, в то время как якорь и другие старые символы появлялись достаточно часто. В этом отношении очень показательны тетрадрахмы Селевка, которые стали выпу-

скается на новых монетных дворах с 298 г. — на их аверсе содержалось заимствованное из монетного дела Птолемея изображение квадриги слонов, но, в отличие от птолемеевских монет, ею управлял не Александр, а Афина (рис. 1: 10). На монетах же Антиоха I уже сам Селевк изображается с рогами Диониса, как некогда Александр (рис. 1: 6).

В нарративных источниках также невозможно встретить ни одного упоминания о покровительстве Александра в отношении Селевка при описании событий после битвы при Ипсе — персона македонского завоевателя более не фигурирует в знамениях. Последующие Селевкиды никогда не ссылаются на Александра при обосновании своего права на власть. Не обнаруживается Александр и в последующем династическом культе Селевкидов.

Александр, таким образом, исчезает из пропаганды Селевка тогда, когда потребность в его образе была исчерпана. Селевк после 298 г. уже не удовлетворяется местом скромного соратника Александра, он все более претендует на роль самого Александра. И когда в 281 г. Селевк на недолгое время становится правителем чуть не всей бывшей империи македонского завоевателя, некоторые ассоциации с Александром все-таки всплывают. Но теперь он уже не покровитель Селевка, а, скорее, модель, по которой строится его собственный образ, или же предвестник его власти. В таком качестве Александр выступает, например, в знамении с диадемой, которую Селевк принес Александру во время похода через Месопотамию (App., Syr., 56). По модели александровского мифа об Олимпиаде и Зевсе-Аммоне строится и легенда о рождении Селевка от Аполлона (Just., XV, 4) [20, p. 126–127].

Таким образом, за более чем сорокалетнюю политическую карьеру Селевка образ Александра в его пропаганде претерпел существенную эволюцию. По мере роста властных амбиций Селевка из его соратника и командира Александр постепенно превратился в его божественного покровителя, а затем и в шаблон для конструирования образа самого Селевка, практически исчезнув из пропаганды как самоценный персонаж. И если вначале с помощью образа Александра обосновывались скромные претензии на одну сатрапию, то затем — на власть над значительной частью его наследия, а потом и над всей империей.

В целом, эволюция образа Александра в пропаганде Селевка демонстрирует несостоятельность двух аксиом, от которых обычно отталкиваются исследователи при изучении пропаганды диадохов: 1) Александр всегда был символом единства империи; 2) все диадохи стремились так или иначе ему подражать. В пропаганде Селевка и его союзников Александр, вопреки общему мнению, долго выступал символом сепаратизма. И это естественно — ведь если в новой империи правит уже не Александр, источник легитимности для антиимперских конструкций лучше всего связывать с «истинным» покойным правителем, принижая достоинство новых претендентов. С другой стороны, прямое подражание Александру при таком подходе невозможно — ведь это будет претензией на его трон. Сепаратизм предполагает не подражание, а почитание покойного царя, продолжение его дела на своем «узком участке». Когда же сепаратизм заканчивается и империи больше нет, тогда Александр становится шаблоном для подражания при обосновании далеко идущих планов. Но это уже именно бездушный шаблон, а не предмет культа — почитание Александра в таких условиях становится бессмысленным или превращается в пустую формальность. Все это лишний раз подчеркивает, что Александр, как это хорошо показал в своем исследовании А. Стюарт [21; ср.: 15, p. 250], был в пропаганде его преемников не более чем хамелеоном, который менял окраску в зависимости от потребностей момента. Именно поэтому нам порой бывает так тяжело понять, каким был сам Александр в действительности и каким его хотели видеть его преемники.

Ключевые слова: эллинизм, Александр Македонский, Селевк Никатор, диадохи, античная пропаганда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hoover O. D., The identity of the helmeted head on the 'Victory' coinage of Susa //SNR. — 2002. — Bd. 81.
2. Le Rider G., Callataÿ F. De. Les Séleucides et les Ptolémées. L' héritage monétaire et financier d'Alexandre le Grand. — Monaco, 2006.
3. Dabmen K. The legend of Alexander The Great on Greek and Roman coins. — L.; N.-Y., 2007.
4. Heckel V. Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire. — Malden; Oxford; Carlton, 2006.
5. Grainger J. P. Seleukos Nikator: Constructing a Hellenistic Kingdom. — L.; N.-Y., 1990.
6. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. — М., 1982.
7. Bosworth A. B. The Legacy of Alexander. Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors. — Oxford, 2002.
8. Billows R.A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. — Berkeley; Los Angeles; L., 1990.
9. Hadley R. A. Royal Propaganda of Seleucus I and Lysimachus//JHS. — 1974. — Vol. 94.
10. Hadley R. A. Hieronymus of Cardia and Early Seleucid Mythology//Historia. — 1969. — Bd. 18.
11. Sherwin-White S., Kubrt A. From Samarkand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. — Berkeley; Los-Angeles, 1993.
12. Fraser M. P. Ptolemaic Alexandria. — Oxford, 1972. — Vol. 1.
13. Нефедов К. Ю. Птолемей Сотер и учреждение культа Александра Македонского в Александрии//Античный мир. — Белгород, 1999.
14. Erskine A. Life after death: Alexandria and the Body of Alexander//Greece and Rome. — 2002. — Vol. 49. — № 2.
15. Meeus A. Alexander's Image in the Age of the Successors//Alexander the Great: A New History. — Chichester, 2009.
16. Houghton A., Lorber C. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalog. Part I: Seleucus I through Antiochus III. — Lancaster; N.-Y., 2002.
17. Svenson D. Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. — Frankfurt-am-Main, 1995.
18. Newell E. T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints: from Seleucus I to Antiochus III. — N.-Y., 1938.
19. Tarn W. The Greeks in Bactria and India. — Cambridge, 1938.
20. Goukowsky P. Essai sur l'origines du mythe d'Alexandre. — Nancy, 1978. — Vol. 1.
21. Stewart A. Faces of Power. Alexander's Image and Hellenistic Politics. — Berkeley, 1993.
22. Macdonald G. Coin Types. — Glasgow, 1905.
23. Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage from the Accession of Alexander to the Peace of Apame (336–281 B. C.). — Cambridge, 1991.
24. Arnold-Biucchi C. Alexander's Coins and Alexander's Image. — Cambridge, Mass., 2006.
25. Hadley R. A. Seleucus, Dionysus, or Alexander//NC. — 1974. — Vol. 14.
26. Houghton A., Stewart A. The Equestrian Portrait of Alexander the Great on a New Tetradrachm of Seleucus I//SNR. — 1999. — Vol. 78.
27. Iossif P. Le monnaies de Suse frappées par Séleucos Ier//NAC. — 2004. — Vol. 33.
28. Kabil L. Cults and Myth//Macedonia. From Philip II to the Roman Conquest. — Princeton, 1994.
29. Andronicos M. The "Macedonian Tombs"//Macedonia. From Philip II to the Roman Conquest. — Princeton, 1994.
30. Нефедов К. Ю. Культ правителя и коронация диадохов//Из истории античного общества. — Нижний Новгород, 2009. — Вып. 12.

31. *Capdetrey L.* Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312–129 avant J. C.). — Rennes, 2007.
32. *Нефедов К. Ю.* Культ правителя в политической пропаганде Лисимаха//ВХУ. — 1999. — № 411: История. — Вып. 31.
33. *Nock A.D.* Notes on Ruler-Cult//JHS. — 1928. — Vol. 48.
34. *Нефедов К. Ю.* Дионис и культ правителя эпохи раннего эллинизма//Иресиона. Античный мир и его наследие. — Белгород, 2002. — Вып. 2.

Резюме

Нефедов К. Ю. Селевк Никатор та Олександр Македонський: еволюція пропаганди

Статтю присвячено дослідженню еволюції образу Олександра Македонського в політичній пропаганді одного з його наступників-діадохів, Селевка I Нікатора. Піддано аналізу та по-новому інтерпретовано нарративні та нумізматичні свідчення щодо використання Селевком образу та імені Олександра на різних етапах його кар'єри. Показано, що в перше десятиліття після смерті Олександра Селевк використовував його ім'я лише для відстоювання власної сатрапії від зазіхань Антигона Одноокого, що прагнув встановити контроль над всією македонською імперією. З 311 р. до н. е., коли Селевку вдалося повернути Вавілон, Олександр у його пропаганді почав виконувати функцію героя-покровителя, що надавав підтримку у боротьбі за будь-які володіння Антигона. Після того, як боротьба з Антигонідами завершилася їх розгромом у битві при Іпсі, інтенсивність використання образу Олександра у пропаганді Селевка зменшується. З покровителя держави македонський завойовник перетворюється на шаблон, за яким моделюється образ Селевка, що починає претендувати на роль «нового Олександра» в межах колишньої македонської «світової імперії».

Ключові слова: еллінізм, Олександр Македонський, Селевк Нікатор, діадокси, антична пропаганда.

Summary

K. Nefedov. Seleukos Nikator and Alexander the Great: Evolution of Propaganda

The article is devoted to study of evolution Alexander The Great image in political propaganda of one of his successor, diadoch Seleukos Nikator. Narrative and numismatic evidence concerning using of Alexander's image and name by Seleukos have been analyzed and re-interpreted in the context of different periods of his career. It is shown that in the first decade after the death of Alexander Seleukos used Conqueror's name only for defending his own satrapy from encroachment of Antigonos the One-Eyed, who wanted to control the whole Macedonian empire. From 311 BC since Seleukos recaptured Babylon Alexander begun to carry out in his propaganda a function of hero-protector made help in any struggle for Antigonos' possessions. With this struggle came to end in the battle at Ipsos activity of using of Alexander image had felt in Seleukos' propaganda. From the patron of the state he transformed into a pattern for construction of Seleukos' own image, since Seleukos begun to apply on a role of "New Alexander" within former Macedonian "world empire".

Key words: Hellenism, Alexander the Great, Seleukos Nikator, diadochi, ancient propaganda.

